

ЛЕНИН В ПОДПОЛЬЕ

(ИЮЛЬ — ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)

...Несмотря на то что со времени перехода Ленина на нелегальное положение прошло около месяца, газеты продолжали травлю с неослабевающей энергией, и как черносотенные, так и либеральные газетчики с пеною у рта требовали ареста Ленина и Зиновьева во что бы то ни стало. Не только контрразведка и уголовные сыщики Керенского были поставлены на ноги, но даже собаки, в том числе знаменитая собака-ищейка Треф, были мобилизованы для поимки неуловимых Ленина и Зиновьева. Наряду с охранниками и собаками в поисках Ленина принимали участие сотни добровольных сыщиков из среды буржуазных обывателей. Однажды в газетах появилась заметка, что 50 офицеров «ударного батальона» поклялись или найти Ленина, или умереть.

Пока охранники, собаки и сыщики были заняты поисками Ленина, я — изысканием способа надежной переправы через границу, сам Ленин был занят... работой VI съезда партии большевиков, которым он руководил из своего весьма неудобного убежища. Когда покойный Я. М. Свердлов, председательствовавший на съезде, ставя на голосование написанные рукою В. И. Ленина резолюции, имел неосторожность сообщить, что, хотя Ленин и лишен возможности лично присутствовать на съезде, он невидимо участвует и даже руководит его работой, все газеты подняли невероятный вой и с утроенной энергией стали требовать немедленного ареста Ленина. За делегатами съезда была усилена слежка, и мне, как делегату съезда, пришлось быть очень осмотрительным и обставлять свои поездки в Сестрорецк чрезвычайными мерами предосторожности, чтобы не навести шпикив на след.

Вместе с тем надо было торопиться с переездом в Финляндию, так как дальнейшее пребывание на болоте становилось опасным. Появлявшиеся время от времени вблизи убежища охотники могли случайно наткнуться на скрывающихся; сидеть же целые дни внутри шалаша и выходить только ночью становилось невыносимым. Общая же обстановка и атмосфера, созданные в городе арестами, газетной травлей и зловещими слухами, были таковы, что рассчитывать на убежище у прежде сочувствовавшей революции интеллигенции, имевшей удобные квартиры, не приходилось. Большинство активных, испытанных партийных работников были или аре-

стованы, или разъехались по постановлению ЦК партии в провинцию. За теми же товарищами, которые остались в Питере на свободе, была установлена тщательная слежка. В выборе людей, помощь которых была необходима, квартиры, способа переезда и пр. надо было быть чрезвычайно осторожным, ибо малейшая неосмотрительность могла повести к аресту, а в то время арест для Ленина был равносителен убийству его озверевшими агентами Керенского.

Все это чрезвычайно затрудняло мою задачу и задерживало переезд.

Проектов перехода через границу было несколько. Каждый проект подвергался тщательному обсуждению и проверке. В конце концов было решено перейти финляндскую границу под видом сестрорецких рабочих (многие сестрорецкие рабочие жили на финляндской территории и для перехода через границу пользовались упрощенными паспортами). Емельянову было поручено достать такие паспорта у своих товарищей по заводу. Паспорта были получены; оставалось только переменить на них фотографические карточки. Неожиданное затруднение встретилось при розысках парика для Ленина. Охранка Керенского, озабоченная поимкой Ленина и Зиновьева, запретила парикмахерским прокат и продажу париков кому бы то ни было без предъявления удостоверения личности. Во избежание каких-либо недоразумений я заручился удостоверением театрального кружка финляндских железнодорожников Выборгской стороны и таким образом беспрепятственно получил два парика в парикмахерской на Бассейной улице.

Ленин в парике без усов и бороды был почти неузнаваем. Приехавший с фотоаппаратом Лещенко сфотографировал Ленина в его «нелегальном виде».

Прежде чем переправиться через границу, мне было поручено проверить, насколько тщательно пограничники просматривают документы. С этой целью мне пришлось раздобыть для себя через генеральный штаб Керенского разрешение на право свободного перехода через финляндскую границу туда и обратно, каковое мне, как финляндскому гражданину, было выдано без особых затруднений. Для большей верности я решил взять себе помощника. В качестве такового я пригласил беззаветно преданного революции Эйно Рахья, рабочего-финна, впоследствии знаменитого комиссара финской Красной гвардии. Он исхлопотал себе такое же удостоверение в штабе, и мы отправились «проверять границу». Перейдя пешком в нескольких местах границу — от Белоострова на юг до Сестрорецка, мы убедились, что этот способ ненадежен, так как при каждом переходе пограничники чуть ли не с лупой просматривали наши документы и чрезвычайно внимательно сличали наши физиономии с наклеенными на удостоверениях фотографическими карточками. При докладе Ленину и Зиновьеву о результатах рекогносцировки этот способ перехода был отклонен, и остановились наконец на предложенном мною и Рахья.

План, выработанный нами на всякий случай еще до «проверки границы», заключался в следующем: Ленин поедет в Финляндию на паровозе в качестве кочегара...

Было решено перебраться сначала с болота на квартиру Кальске, там переночевать и оттуда пойти вечером на станцию Удельная, где Ленин сядет на паровоз, а мы с Рахья в этом же поезде будем сопровождать его на финляндскую территорию до станции Терюки, где в нескольких верстах от станции была приготовлена надежная квартира. Машинист Г. Ялава, согласившийся взять к себе на паровоз Ленина, был мне хорошо знаком еще с детства. И когда я ему рассказал, какому большому подвергается он риску, он с истинно финским хладнокровием только улыбался и уверял, что «все пойдет очень хорошо».

Когда все было подготовлено, мы с Рахья поехали в Сестрорецк, чтобы в тот же день вывезти Ленина и Зиновьева с болота. Емельянов с сыном был уже у стога и укладывал в лодку накопившиеся за три недели пребывания в стогу газеты, пальто, одеяла и пр.

Согласно нашему плану, мы с Рахья предлагали добраться до квартиры Кальске таким путем: по Сестрорецкой железной дороге до станции Озерки, а оттуда пешком по Выборгскому шоссе или полотну Финляндской железной дороги до квартиры (около шести верст). Емельянов предложил другой путь: пройти пешком до станции Левашево, а оттуда поездом по Финляндской железной дороге проехать до станции Удельная (от станции Удельная до квартиры около одной версты). После недолгого обсуждения, взвесив «за» и «против», большинством было принято предложение Емельянова.

Наконец вещи уложены, мальчик сел в лодку и поехал домой, а мы, пятеро, побрели вдоль залива, сквозь кустарник, по направлению к Финляндской железной дороге. Идти нужно было верст 10—12. Было около девяти с половиной часов вечера, уже смеркалось. Шли гуськом, молча, Емельянов впереди, как знающий дорогу. По выходе на проселочную дорогу стало веселей, дорога пошла хорошая, навстречу — ни души. Следом за Емельяновым свернули с дороги на тропинку. В одном месте из-за темноты сбились с дороги: наткнулись на речку, которую перешли вброд, для чего пришлось раздеться. Разыскивая дорогу, попали на болото, обходя которое незаметно очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим кустарником и едким дымом, рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, набрали на тропинку, которая и вывела нас из пожарища. Чувствуем, что окончательно заблудились. В полной темноте, ошупью, руководимые Емельяновым, который утешал нас тем, что он здесь первый раз заблудился, мы двигались вперед.

Наконец где-то прогудел паровозный гудок, Емельянов и Рахья отправились на разведку, а мы уселись под деревом ждать их возвращения. У меня в кармане было три свежих огурца, но хлеба и соли не догадался захватить. Съели так. Минут через 10—15 вер-

нулись наши разведчики с сообщением, что мы находимся близ станции, кажется, Левашево. Надо отдать справедливость Владимиру Ильичу, ругал он нас за плохую организацию пресвирепо. Нужно-де было приобрести карту-трехверстку, почему предварительно не изучили дороги и пр. За «разведку» тоже досталось: почему «кажется», а не точно узнали, какая станция? Всячески оправдываясь, мы побрели по направлению к станции. Станция оказалась не Левашево, а Дибуны, находящаяся всего в семи верстах от финляндской границы. Положение не из приятных. В лесу мы могли каждую минуту нарваться на разведку пограничной стражи и быть арестованными как подозрительные лица, ибо не будут же порядочные люди шляться в час ночи в стороне от жилых мест около границы. У железнодорожного сторожа узнали, что последний поезд в Питер пойдет в 1 час 30 минут ночи. Оставалось ждать минут 15.

В ожидании поезда мы уселись на конце перрона, на противоположной стороне станции, послав Рахья на станцию проверить на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Вернувшись со станции с озабоченным лицом, он сообщил, что там стоит патруль из десяти до зубов вооруженных юнкеров. Дело плохо. Могут подойти, поинтересоваться, что за люди вдруг появились на пустынном перроне. Я предложил Ленину, Зиновьеву и Рахье уйти под откос, в темноту, а сам с Емельяновым остался сидеть на месте. Не успели они спуститься вниз, как к нам подходит вооруженный винтовкой юнкер и обращается к Емельянову с вопросом, что он тут делает. Так как Емельянов к такому вопросу не был подготовлен, то дал ответ, который, по-видимому, юнкера не удовлетворил, так как после фантастических объяснений Емельянова он предложил ему следовать за ним. Моя особа, как более прилично одетого, по-видимому, не возбудила в юнкере подозрений, так как он очень вежливо осведомился, не дачник ли я местный и не жду ли поезда, идущего в Петроград, что я ему тоже очень вежливо подтвердил. Затем он молодецкато звякнул шпорами, повернулся и повел с собой арестованного Емельянова. Не успел я очухаться, как подошел поезд. «Как же мне быть?» — думал я и решил остаться, чтобы завтра, проведя остаток ночи и день в лесу, увести их в Удельную.

Только я успел прийти к этому решению, как передо мной появился человек с винтовкой, но на этот раз в форме ученика реального училища, и вежливо, но настойчиво докладывает: «Это последний поезд, сегодня больше не будет. Вы на этом едете?» Мне ничего больше не оставалось делать, как подняться на площадку вагона, что я и сделал. Все это произошло так неожиданно, что я был буквально ошеломлен, до того ошеломлен, что выскочил из поезда не на станции Удельная, где я должен был сойти, чтобы предупредить Кальске о случившемся, а на станции Озерки, то есть не доезжая 6 верст. Заметил я свою ошибку только тогда, когда поезд уже ушел. Около трех часов утра я добрался до Кальске. Когда я вошел к нему в комнату, я не верил своим глазам: на полу

лежали и хохотали над моим растерянным видом Ленин, Зиновьев и Рахья. Оказывается, что они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова и как меня реалист чуть не штыком подсаживал в вагон. Они сели вместе со мною в поезд, и так как они не растерялись, как я, то и доехали спокойно до станции Удельная, а пока я плелся от Озерков, они успели поужинать и уже почти засыпали, когда я пришел.

Теперь предстояло как можно скорее предупредить жену Емельянова об аресте ее мужа (наутро, впрочем, его освободили), чтобы она могла скрыть следы пребывания в Разливе Ленина... Так как времени терять было нельзя, я, кое-как перекусив, пошел к Полуян, знавшей квартиру Емельянова. Был уже шестой час, когда я доплелся до ее квартиры. Рассказав, что надо сделать, я поспешил на Выборгскую сторону к машинисту Ялава, который должен был отвезти Ленина в Финляндию.

Наступил вечер... Мы втроем направились к станции. С замиранием сердца ждем мы у перрона прихода поезда. Наконец подходит. На паровозе мелькнула знакомая фигура машиниста, жмем Владимиру Ильичу руку и направляемся к паровозу. Ленин, бритый, в парике, похож на настоящего финна. Вскочив на паровоз и засучив рукава, он берет полено за поленом и бросает в топку. Все идет хорошо. На каждой остановке мы с Рахья выскакиваем из вагона, наблюдаем за паровозом, сердце екает. Поезд подходит к Белоострову, предстоит двадцатиминутная остановка и тщательная проверка документов, а иногда и обыск. Поезд едва остановился, как находчивый Ялава отцепляет свой паровоз и уводит его куда-то в темноту за станцию... набирать воду. Мы чуть не аплодируем. И пока жандармы проверяли документы, Ялава «набирал воду». Перед самым третьим звонком подходит паровоз, дает гудок, и минут через 15 мы почти в полной безопасности на финляндской территории. Мы с Рахья спешим к паровозу, радостно жмем руку Владимиру Ильичу. У станции Териоки приготовлены лошади, а в четырнадцать верстах — квартира.

Я оставляю Владимира Ильича на попечение Рахья и со следующим же поездом еду в Гельсингфорс приготовить квартиру и дальнейший переезд по железной дороге до Гельсингфорса. Посланные на другой день ¹ из Гельсингфорса в Териоки два товарища-финна доставили Ленина в небольшой городок Лаhti, в 130 верстах от Гельсингфорса. При помощи депутата финляндского сейма устраиваю дальнейшую переправу и наконец встречаю Владимира Ильича в Гельсингфорсе на квартире... гельсингфорсского полицмейстера.

В то время, еще при буржуазном правительстве, социал-демократы при коммунальных выборах, получив большинство голосов, назначили полицмейстером социал-демократа Густава Ровио. Это

¹ По свидетельству Л. П. Парвияйнен, жены Э. Рахья, В. И. Ленин прожил у ее отца в деревне Ялкала несколько дней. *Ред.*

мой старый друг, петербургский рабочий, ныне финский коммунист, назначенный впоследствии при красном правительстве начальником милиции города Гельсингфорса. Более надежной квартиры нельзя было придумать.

После водворения Владимира Ильича в столь надежном месте я считал свою миссию выполненной и по приезде в Петроград получил от ЦК командировку на Урал. По возвращении с Урала я застал Владимира Ильича уже в Выборге, а затем в конце сентября в Петрограде¹. С сентября до 24 октября (6 ноября) Владимир Ильич непосредственно руководил подготовкой Октябрьской революции.

И когда наконец было решено взять в руки рабочих государственную власть, Владимир Ильич 24 октября (6 ноября) переехал из Лесного в Смольный. А на другой день, 25 октября (7 ноября) 1917 года, Владимир Ильич легализовался вновь, но на этот раз уже в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров.

*Воспоминания о Владимире Ильиче
Ленине. В 5-ти т. Изд. 3-е. М., 1984,
т. 2, с. 420—425*

¹ См. подстрочное примечание к с. 27 настоящего издания. *Ред.*